

Английская дипломатия проводила так называемую политику "равновесия сил" и выступала в роли судьи континентальной Европы. Англия стремилась не допустить сближения между Францией и Россией, укрепить свои позиции в Восточном Средиземноморье и в перспективе, с разрешения Турции, позволить английским кораблям свободно входить в Черное море.

Не вступая в открытую конфронтацию с Россией, Англия тайно создавала дипломатические преграды укреплению русского влияния на Балканах, предпочитая сохранение status quo любому варианту решения восточного вопроса. После подписания Вестминстерской конвенции 1756 г. Пруссия активизировала свою деятельность на международной арене. Прусский король не желал допустить ослабления Османской империи, которую надеялся использовать как оружие в борьбе против России и Австрии.

В европейских столицах постепенно созревало убеждение, что Османская империя идет к закату и становится важным объектом для территориального раздела между соседними странами. Борьба между европейскими странами за влияние на Ближнем Востоке приобретала все большую остроту.

¹ Соловьев С. М. Собр.соч. М., 1963. Т.20. Кн.10. С.387,416.

² Российский государственный архив древних актов. Ф.1261, д.305, л.7–8.

³ См.: Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. (1739–1756). М., 1985. С.129.

⁴ См.: Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX вв.). М., 1978. С.6.

⁵ См.: Чихачёв П. А. Великие державы и восточный вопрос. М., 1970. С.60.

⁶ См.: Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С.62.

⁷ См.: Добров Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879. С.530.

⁸ См.: Виноградов В. Н. // Новая и новейшая история. 1996. №4. С.51.

К.А.ПЕТРОВ

"БОЛЬШИЕ ПЕРИОДЫ" В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Значение понятия "история" как минимум двойственно. С одной стороны, можно говорить об объективной истории, которая есть общественная жизнь как объективная реальность в прошлом, объективно-исторический процесс. С другой стороны, наличествует субъективная история – это отражение объективной истории в сознании человека как субъекта исторического познания, определенная сумма или система знаний человека о прошлом социальной действительности. Объективная и субъективная истории соотносятся как историческая реальность и историческое сознание, объективно-исторический процесс и историко-познавательный процесс. Другими словами, перед нами собственно история и историография. Связь между ними нельзя уподобить зеркальному отражению. Еще Шиллер отмечал, что "ход действительного мирового развития можно было бы сравнить с непрерывным течением реки, в то время как в мировой истории отражается лишь то одна, то другая волна этой реки"¹.

Мы задались целью в общем виде рассмотреть историю исторической мысли или историю историописания. Это значит, что мы еще на один шаг отошли от объективной истории, но проблема, рассматриваемая нами, сохранила свои характеристические черты. Попытка отразить историю исторической мысли в виде непрерывного течения в идеальном виде не осуществима, поскольку, чтобы описать нечто, мы нуждаемся в некоей структуре, в статичных точках опоры, прерывающих движение. Так мы вышли на проблему периодизации.

Течения исторического потока очень разнородны, поэтому и критерии для разбиения на периоды могут быть самыми различными. В итоге мы можем получить отличающиеся друг от друга системы периодизации, каждая из которых выполняет свою частную задачу, в чем, безусловно, ее ценность, но мы перестаем видеть реку за бегом волн. Даже если мы наложим результаты анализа на единую хронологическую ось, они представляют собой несовпадающие, но частично взаимоналагающиеся или вовсе не перекрывающиеся отрезки, что исключает однозначные характеристики², а значит, мы по-прежнему не получим возможности окинуть всю историю мировой исторической мысли

одним взглядом. Чтобы все-таки добиться этого, надо найти какой-то один, самый общий критерий для описания. Представлялось разумным не постулировать его, а провести эмпирический анализ возможно более полного количества памятников исторической мысли, опираясь чисто технически на их формальную хронологическую системную организацию. Такой подход должен был выявить и выявил генерализирующий критерий периодизации, каковым оказалось сущностное становление исторической мысли и связанного с ней историописания.

Поставленная задача могла показаться необъятной, но это верно лишь отчасти. Дело в том, что для раннего периода количество памятников исторической мысли ограничено, но в дальнейшем, хотя оно постоянно возрастает, их возможные типы вполне исчислимы. Отсюда вытекает, что можно сделать достаточно репрезентативную выборку образцов памятников по различным эпохам и континентам. Следует иметь в виду также, что нас привлекала возможность окинуть весь этот массив одним взглядом, так сказать, с высоты птичьего полета, что допускает известную приблизительность описания.

В результате, вся история мировой исторической мысли представляется проходящей через несколько качественных ступеней внутреннего развития. Имеющиеся данные позволяют с определенностью сказать о двух больших периодах и предположить, что текущий момент находится в начале третьего.

Мы называем эти периоды большими не только из-за их хронологической протяженности, хотя и это имеет место: протяженность первого – 2300/2000 лет (с XXVIII / XXV в. и до V в. до н.э.), второго – примерно столько же, т.е. 2300 лет (с V в. до н.э. и по XVIII в. н.э.). Совпадение длительности периодов весьма примечательно, хотя пока и не может быть удовлетворительно объяснено. Говоря о "больших периодах", мы имеем в виду также качественный аспект, их глобальный определяющий характер.

Наличный материал дает возможность утверждать, что история мировой исторической мысли в большие периоды своего развития реализуется через определенные географические центры, прежде чем обретает всеобщий характер. Именно в таких центрах она достигает наиболее высокого уровня и именно оттуда распространяет свое влияние, охватывая все новые и новые территории, освоив к настоящему времени весь мир. Первоначально существовал один такой центр – Ближний Восток, затем – Средиземноморье и Китай, позднее – Европа, Китай и исламский мир. Последний термин недостаточно точен географически, но только так можно определить обширные районы Азии и Африки, объединенные исламской культурой и общими чертами историографии.

Содержание первого большого периода (XXVIII/XXV – V в. до н.э.) составляет процесс зарождения исторической мысли, выработки первичных приемов историописания и, наконец, осознания этой мыслью себя.

Первые образцы сочинений, которые, хоть и с оговорками, можно причислить к жанру исторических повествований, встречаются уже в III тыс. до н.э. на территории Египта и Месопотамии. Эти тексты создавались вовсе не с целью теоретического исследования прошлого, их авторы преследовали более практические цели и не осознавали свою деятельность отличной от деятельности других писцов.

Первые исторические произведения представляли собой краткие записи важнейших событий общественной жизни или исключительных природных явлений, оказывающих влияние на жизнь людей. Объединение этих записей по годам привело к созданию жанра анналов. Древнейшей на Земле летописью, видимо, является созданный египтянами в III тыс. до н.э. текст, называемый учеными "Палермский камень", поскольку он дошел до нас на диоритовой плите, хранящейся в настоящее время в музее города Палермо в Сицилии. Камень датируется XXV в. до н.э., а текст относится ко времени Древнего царства Египта, берущего начало в XXVIII в. до н.э. Очевидно, текст формировался в течение всего этого хронологического отрезка³.

Почти неотличим от первых анналов жанр царских списков, ведь в них помимо имени монарха и продолжительности его правления указываются некоторые события, происходившие во время царствования. Здесь присутствует один и тот же принцип организации фактографического материала. Однако "Шумерский царский список", также создававшийся в течение III тыс. до н.э., но окончательно оформившийся к XVIII в. до н.э., представлял собой образец более раз-

витой исторической мысли⁴. В нем материал объединялся не просто механически по хронологическому принципу, а выражал своего рода историческую концепцию о получении с небес и дальнейшей передаче "царственности". Тем не менее этот жанр представлял собой тупиковый путь развития исторической мысли, и хотя он встречается еще в середине I тыс. до н.э., ничего принципиально нового не выработал, тогда как жанр анналов продолжал развиваться, используя в рамках типичной структуры все новые изобразительные возможности.

Очевидно, процесс шел путем взаимовлияния двух жанров – анналов и биографий, т.е. описаний деяний конкретных лиц. Такие описания появляются в Египте уже в середине III тыс. до н.э. и свидетельствуют об интересе к отдельной личности. Описание каких-то индивидуальных моментов быстро проникает в анналы, т.к. они практически с самого начала группировали события вокруг фигуры царя.

В середине III тыс. до н.э., а точнее в XXIV в., наблюдается попытка исторического исследования конкретной проблемы. Речь идет об историческом "обзоре" шумерского правителя Энтемены, достаточно полным, что для той отдаленной эпохи уникально. Цель документа первоначально заключалась в том, чтобы юридически зафиксировать восстановление разрушенного войнами пограничного рва между двумя городами-государствами Шумера – Лагашем и Уммой. Однако безымянный архивный писец Энтемены попытался осветить события в исторической перспективе, раскрыть их политическую подоплеку. Не вдаваясь в частности, он рассказывает об основных этапах борьбы за верховенство между Лагашем и Уммой, начиная с самого отдаленного периода, о котором он располагал письменными сведениями, т.е. с 2600 г. до н.э. Неизвестный писец не ограничился ролью, как мы бы сейчас сказали, канцелярского чиновника, а выполнил работу историка. Конечно, наш писец еще не придерживается строгой, основанной только на фактах манеры изложения. Описание исторических событий дается в русле традиционного религиозного мировоззрения⁵.

К середине II тыс. до н.э. развитие изобразительных средств летописного жанра вышло на тот уровень, когда можно говорить о "живописании", образцом которого могут служить египетские "Анналы Тутмоса III". Это подробный, живой, образный рассказ о событиях.

В это же время шаг вперед в развитии жанра анналов сделали хетты. Суть его в том, что помимо общего описания деяний правления стали создаваться личные летописи, в которых различаются деятельность царя и его полководцев, вельмож. Это свидетельствует о том, что в рассматриваемый период анналы в наиболее развитой форме приобретают вид законченных самостоятельных произведений, лишь формально выполненных в традиции ежегодных записей, а не постоянно возрастающую совокупность таковых⁶.

В начале I тыс. до н.э. историческая мысль обогащается новой идеей – идеей синхронизации описаний событий, происходивших в различных государствах (ассирийская "Синхронистическая история" IX в. до н.э.). При этом проводятся хронологические увязки не всех событий в истории соседних государств – Ассирии и Вавилонии, а только относящихся к их взаимодействию на политической арене. Данный прием призван служить разрешению рассматриваемой автором задачи и свидетельствует о некотором поиске в области методологии⁷.

К VII в. до н.э. относится окончательное оформление таких книг Библии, как Пятикнижие, Иисус Навин, Судей, Царств, которые, будучи религиозными текстами, в то же время дают образцы исторической мысли древних евреев. Развернутый рассказ о многовековой истории народа и государства организован в них определенной идеей и пронизан чувством историзма⁸.

К середине I тыс. до н.э. историческая мысль постепенно осознает себя, причем это происходит не в одном, а в нескольких пунктах обитаемого мира. Об этом свидетельствует появление термина "история" у греков и чем-то похожего термина у китайцев⁹. Однако если в Китае это просто осознание особого, самостоятельного жанра текстов, а сами тексты типологически не превосходят созданного в очагах древнейших цивилизаций, то у греков "история" – это не просто особый жанр, это исследование, причем исследование индивидуальное¹⁰. Греки впервые обратили внимание на методы и принципы написания истории, что было чуждо цивилизациям Древнего Востока, которые хотя и имели определенные находки в этой области, но специальных размышлений о методе нам

не оставили. Греки также положили начало разработке теоретических основ понимания прошлого. Для греческих логографов характерны зачатки критического подхода к фактам, стремление переработать древние сказания в подлинную историю.

В течение второго большого периода (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.) сформировалось все многообразие исторических жанров, известных до настоящего времени, и, что является определяющим, произошло оформление исторической мысли в науку.

Перечень критериев научности вообще и истории как науки можно варьировать. В частности, английский философ и историк Р.Дж.Коллингвуд полагал, что история, которая хочет быть научной, должна отвечать следующим требованиям: 1) быть ответом на вопросы, 2) заниматься действиями людей в прошлом, 3) основываться на интерпретации источников и 4) служить самопознанию человека¹¹. Анализируя процесс становления идеи истории, он приходит к выводу, что уже Геродот был создателем научной истории. Однако далее в той же работе Р.Дж. Коллингвуд называет одну из глав "На пороге научной истории" и включает в нее материал, относящийся к концу XVIII – началу XIX в., собственно же научная история у него начинается со второй половины XIX в.

Выход из этого противоречия указывает, как кажется, проведенный нами эмпирический анализ развития исторической мысли (в отличие от Р.Дж. Коллингвуда, мы имеем в виду только мысль историков) с V в. до н.э. и по XVIII в. н.э. Этот анализ позволяет утверждать, что уже начало данного периода было ознаменовано созданием образцов научной истории, а в дальнейшем, несмотря на отдельные провалы, обусловленные конкретным ходом объективной истории, происходило постепенное совершенствование методов научной работы историков, распространение этих методов на все новые и новые темы исследований. К концу же XVIII в. требование научности в среде историков стало общеобязательным. Проиллюстрируем наше утверждение некоторыми примерами, выстроив их в хронологическом порядке. Сначала выделим отдельные черты исторического творчества, характеризующие его научность, а затем покажем их присутствие в течение всего второго большого периода.

Историки второго большого периода стремятся к объективности (по крайней мере, теоретически) и часто декларируют это. Среди них можно назвать Фукидида (V в. до н.э.), Полибия (II в. до н.э.), Саллюстия (I в. до н.э.), Тацита (рубеж I–II вв. н.э.), Геродиана (III в.), Григория Турского (VI в.), Робера де Клари (рубеж XII–XIII вв.), Филиппа де Коммина (рубеж XV–XVI вв.), Льва Африканского (XVI в.) и многих других.

Историки рассматриваемого периода пытаются выяснять причины тех или иных событий. Это Геродот и Фукидид (V в. до н.э.), Ксенофонт и Аристотель (V–IV вв. до н.э.), Дикеарх Мессинский (III в. до н.э.), Полибий и Сыма Цянь (II–I вв. до н.э.), Тацит (рубеж I–II вв. н.э.), Фань Е (рубеж IV–V вв.), Михаил Пселл (XI в.), Робер де Клари (рубеж XII–XIII вв.), Жан Фруассар (XIV в.), Филипп де Коммин и Никколо Макиавелли (рубеж XV–XVI вв.), Вольтер, Э. Гиббон и М.М. Щербатов (XVIII в.) и другие.

Многие историки второго большого периода **строят свою работу в соответствии с определенным историко-философским объясняющим принципом или же с целой концепцией исторической жизни**. Упомянем среди прочих Геродота, Фукидида и Ксенофонта (V–IV вв. до н.э.), Беросса и Дикеарха Мессинского (III в. до н.э.), Полибия, Сыма Цяня и Диодора Сицилийского (II–I вв. до н.э.), Иосифа Флавия (I в. н.э.), Евсевия Кесарийского (рубеж III–IV вв.), Фань Е (рубеж IV–V вв.), Григория Турского (VI в.), Лю Чжици (рубеж VII–VIII вв.), ат-Табари и Льва Диакона (IX–X вв.), ибн-Халдуна (XIV в.), Филиппа де Коммина, Никколо Макиавелли и митрополита Афанасия (XV–XVI вв.), Ж.Боссюэ и С.Пуфендорфа (XVII в.), В.Н.Татищева, Вольтера и Э.Гиббона (XVIII в.).

Историки второго большого периода развития мировой исторической мысли в своих сочинениях **акцентируют внимание на деяниях людей, а не богов**. Они достаточно **обдуманно подходят к композиции** своих сочинений, **уделяют внимание методу**. Назовем опять же Геродота, Фукидида, Ксенофонта и Аристотеля (V–IV вв. до н.э.), Манефона и Дикеарха Мессинского (III в. до н.э.), Полибия, Сыма Цяня, Диодора Сицилийского и Корнелия Непота

(II–I вв. до н.э.), Бань Гу, Тацита, Светония и Аппиана (I–II вв. н.э.), Геродиана (III в.), Фань Е (рубеж IV–V вв.), Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского (VI в.), Сюань Цзяна (VII в.), ат-Табари (рубеж IX–X вв.), Михаила Пселла (XI в.), ибн-Халдуна (XIV в.), Макиавелли (рубеж XV–XVI вв.), Вольтера (XVIII в.).

Рассматриваемый период характеризуется **критическим отношением** серьезных историков **к фактам**, а также к работам своих коллег. Нельзя не сказать в этой связи снова о Фукидиде, Ксенофоне и Аристотеле (V–IV вв. до н.э.), Манефоне, Птолемею Мендесском и Тимее из Тавромения (III в. до н.э.), Полибии и Сыма Цяне (II–I вв. до н.э.), Иосифе Флавии, Светонии и Флавии Арриане (I–II вв. н.э.), Геродиане (III в.), Агафии Миринейском (VI в.), Фредегаре и Лю Чжици (VII–VIII вв.), ат-Табари (рубеж IX–X вв.), Льве Африканском (XVI в.), В.Н. Татищеве и М.В. Ломоносове (XVIII в.).

Историки **учитывают специфику отдельных исторических жанров** (Корнелий Непот – I в. до н.э., Плутарх – I в. н.э., Лю Чжици – рубеж VII–VIII вв., Жан Фруассар – XIV в.), размышляют о **соотношении и значении литературы и истории**, проводят **разграничение между концептуальными и чисто информативными работами** (Чжан Сюэуэн – XVIII в.), исследуют **специфику исторических документов и разрабатывают специальные методы работы с ними** (Ма Дуаньлинь – XIII в., В.Н.Татищев – XVIII в. и др.).

Таким образом, признаки научности истории можно обнаружить на протяжении всего периода с V в. до н.э. и по XVIII в. н.э. Конечно, весь этот период истории историописания нельзя рассматривать линейно, как простое постепенное приращение умений и навыков исторического ремесла. Скорее, можно сказать, что внешне все выглядит как процесс овладения все расширяющимся кругом исторических писателей подлинно научными методами и “шлифовка” этих методов. В это время писаная история, находясь уже на уровне научности, раскрывает и оформляет себя.

А что же происходит после XVIII в.? Немецкий философ К. Ясперс, автор концепции осевого времени, относящегося, по его мнению, к периоду от VIII до II в. до н.э., когда происходили духовные процессы, заложившие основы современного нам общества и приведшие к формированию человека современного типа, пишет: "...В доступной нам человеческой истории есть как бы два дыхания. Первое ведет от проромеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени со всеми его последствиями. Второе начинается с эпохи науки и техники [имеется в виду XIX в. – К.П.], со второй проромеевской эпохи в истории человечества, и, быть может, приведет через образования, которые окажутся аналогичными организациям и свершениям великих культур древности, к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека"¹².

Концепция осевого времени вполне удовлетворительно вписывается в периодизацию процесса развития мировой исторической мысли по большим периодам, граница между которыми приходится на середину I тыс. до н.э., т.е. приблизительно на V в. до н.э., поэтому логично предположить, что и представление о втором осевом времени в применении к нашей теме может оказаться продуктивным. Не исключено, что с XIX в. начался новый большой период, о сущности которого пока можно только высказывать догадки¹³.

¹ Цит. по: Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. С.43.

² См.: Боряз В. Н. // Категории исторических наук. Л., 1988. С.26.

³ См.: Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984. С.22.

⁴ Заблочки Ю. История Ближнего Востока в древности (от первых поселений до персидского завоевания). М., 1989. С.95.

⁵ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965. С.54.

⁶ См.: Герни О. Р. Хетты. М., 1987; Источниковедение истории Древнего Востока.

⁷ См., напр.: Источниковедение истории Древнего Востока. С.89.

⁸ См.: Шифман И. Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 95, 133, 158.

⁹ См., напр.: Источниковедение истории Древнего Востока. С.325.

¹⁰ Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С.19.

¹¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.14 и далее.

¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С.12.

¹³ Данные конкретного эмпирического анализа истории исторической мысли с древнейших времен и до XIX в., на основе которого подготовлена данная статья, находятся на кафедре источниковедения и музееведения исторического факультета БГУ.